

Giuffrè V. 1974: La letteratura «de re militari». Appunti per una storia degli ordinamenti militari. Napoli.

Hardy E.G. 1910: Tacitus as a Military Historian in the «Histories» // The Journal of Philology. 31, 123–152.

Kelly J.M. 1957: Princeps Iudex. Eine Untersuchung zur Entwicklung und zu den Grundlagen der kaiserlichen Gerichtsbarkeit. Weimar.

Liebeschuetz J.H.W.G. 1970: [Rev. of] Blum W. *Curiosi und regendarii*. Untersuchungen zur geheimen Staatspolizei der Spätantike. München, 1969 // JRS. 60, 229–230.

Marichal R. 1992: Les ostraca de Bu Njem. Tripoli.

Millar F. 1982: Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B.C. to A.D. 378 // Britannia. 13, 1–23.

Roth J. 1998: The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235). Leiden.

Rudich V. 2005: Political Dissidence under Nero. The Price of Dissimulation. L.–N.Y.

Saddington D.B. 1991: Tacitus and the Roman Army // ANRW. II. 33. 5, 3484–3555.

Sheldon R.M. 2005: Intelligence Activities in Ancient Rome. L.

Sinnigen W.G. 1961: The Roman Secret Service // Classical Journal. 57, 2, 65–72.

Wellesley K. 1969: Tacitus as a Military Historian // Tacitus / T.A. Dorey (ed.). L., 63–97.

*А.В. Махлаюк,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского*

© 2012 г.

ST. PFEIFFER (Hrsg.) Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz. Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte. Bd 3. Frankfurt am Main: Verlag Antike, 2007. 224 S., 16 Taf.

Начиная с 2002 г. в Трирском университете (Германия, федеральная земля Рейнланд-Пфальц) при поддержке Германского исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) работает специальный исследовательский проект, немецкое название которого можно перевести следующим образом: «Чужеродность и бедность. Изменения в формах включения и исключения от древности до современности» (Sonderforschungsbereich 600 «Fremdheit und Armut. Wandel von Inklusions- und Exklusionformen von der Antike bis zur Gegenwart»)¹. Одним из инициаторов этого проекта и руководителем его раздела «Возникновение и развитие мультикультурного общества в греко-римском Египте» (Teilprojekt A 1: Entstehung und Entwicklung einer multikulturellen Gesellschaft im griechisch-römischen Ägypten; осуществление этого раздела проекта завершилось в 2008 г.) стал признанный специалист в этой области древней истории профессор Трирского университета Хайнц Хайнен². Для осуществления данного проекта была создана специальная исследовательская группа, а в его рамках готовились не только индивидуальные, но и коллективные научные труды и проводились научные конференции по его тематике. Одной из них стал коллоквиум «Египет под властью чужеземных властителей: от персидской сатрапии до римской провинции», проведенный со сравнительно небольшим числом участников из ряда немецких научных центров в мае 2005 г. Исходя из заявленной темы коллоквиума, на нем были представлены доклады по всем этапам чужеземного владычества в Египте в данном хронологическом диапазоне; вполне объяснимо и то, что из этих 8 докладов 5 были посвящены птолемеевской тематике, не только освещенной изобильными и издавна изучаемыми источниками, но и «родной» для Х. Хайнена и его ученика и сотрудника в проведении коллоквиума и издании его материалов Шт. Пфайффера³. Конкретные сюжеты докладов были достаточно разнообразны,

¹ См. материалы проекта в целом на его ресурсе в сети Интернет: <http://www.sfb600.uni-trier.de/>; об одном из разделов данного проекта см. Хайнен, Чошкун 2005.

² Heinen 1972; 2006; 2009.

³ Pfeiffer 2004; 2008.

и в силу этого рецензируемый нами сборник материалов данного коллоквиума никоим образом не может считаться обобщающим исследованием истории, культуры или идеологии Египта в период его пребывания в составе крупных надрегиональных государств: однако вошедшие в него исследования все так или иначе посвящены теме взаимодействия египтян с владевшими их страной чужеземцами, от их реакции на презентацию чужеземными правителями своей власти до обыденных контактов с созданной ими администрацией, а также включая различные формы сопротивления чужеземной власти. На наш взгляд, данная подборка исследований показательна не только, а в известном смысле и не столько отразившимися в ней новыми научными результатами, сколько самим «ассортиментом» сюжетов истории позднего и греко-римского Египта, которые рассматриваются сегодня сквозь призму общей проблемы «свой – чужой», а также построениями, применяемыми для решения задач, которые встают в связи с этими сюжетами, в частности, при сопряжении данных грекоязычных и специфически египетских или иных восточных источников.

Первые две статьи сборника связаны с персидским владычеством в Египте в конце VI–IV в. до н.э. Статья М. Роттпетера «Инициаторы и исполнители “восстаний” в персидском Египте» (с. 9–33) посвящена эпизодам выступлений египтян против владычества Ахеменидов, по сути дела, на всем протяжении его первого этапа – от событий первых лет царствования Дария I, когда, как хорошо известно из Бехистунской надписи, восстания вспыхнули во множестве стран, подвластных персам, и до отделения Египта от державы Ахеменидов в конце V в. до н.э. Автор данной статьи сомневается в историчности сведений о восстании египтян в начале царствования Дария I (с. 13–14). По его мнению, в сведениях о данном эпизоде античной традиции имеется противоречие: если Геродот говорит о наказании Дарием I сепаратистских устремлений сатрапа Египта Арианда, выразившихся в его самостоятельной чеканке (Herod. IV. 166), то Полиен – о восстании недовольных налажавшимися на них Ариандом тяготами египтян, которое прекратилось лишь с появлением в Египте Дария I, пожертвовавшего 100 талантов на обречение нового быка Аписа (Polyaen. VII. 11. 7). Заметим сразу, что противоречие между данными свидетельствами мнимо: достаточно очевидно, что сепаратизм сатрапа Арианда и спровоцированное его же действиями выступление египтян не исключают друг друга (хотя автор статьи и утверждает поразительным образом именно это⁴). М. Роттпетер знает о вероятном появлении вскоре после смерти Камбиса местного претендента на престол Египта – так называемого Петубаста III (с. 14), однако ограничивается словами об отсутствии сведений о происхождении и возвышении этого династа, не обращаясь к связанным с ним памятникам⁵. По сути дела, автор статьи не считает ни эти памятники, ни данные античной традиции, при их пресловутой противоречивости, сколько-нибудь надежной основой для решения вопроса о реальности антиперсидских выступлений в Египте на рубеже 520–510-х годов до н.э.: он признает только свидетельства Бехистунской надписи, однако и в них не принимает сведения о восстании в Египте как надежные, поскольку они сохранились лишь в эламской ее версии (с. 13)⁶. Неудивительно, что при этом он достаточно некорректен и в выведении хронологии интересующих его событий: название соответствующего раздела его статьи («Die Unruhen von 522») показывает, что он стягивает их к самому началу царствования Дария, между тем как на самом деле визит персидского царя в Египет (с проявлениями его благочестия по отношению к местным культам и наказанием Арианда) пришелся на 510-е годы до н.э. (весьма вероятно, на 518 г.)⁷

В связи со сведениями о восстании египтян в 486–484 гг. до н.э. (Herod. VII. 1. 3, 5. 1) М. Роттпетер обращает внимание на синхронные ему свидетельства надписей из Вади Хаммамат, показывающие, что власть над Верхним Египтом в это время находилась в руках персов, и соответственно

⁴ «Wir haben es also entweder mit einem separatistischen Satrapen oder mit einer gegen diesen Satrapen aufbegehrenden einheimischen Bevölkerung zu tun, ganz abhängig davon, welcher unserer beiden Quellen wir folgen wollen» (с. 13).

⁵ Собственно, сведения о нем приводятся не по публикации этих памятников (Yoyotte 1972), а по обобщающей работе В. Хусса (Huss 2001, 35), в которой сюжеты, связанные с ахеменидским Египтом, занимают сугубо второстепенное место.

⁶ При этом М. Роттпетеру известно, что ряд иранистов (по его указанию, В. Хинц: Hinz 1976, 22–25; ср. со ссылками: Schmitt 2009–2010) считают именно эламский текст Бехистунской надписи оригинальным или одним из оригинальных; кроме того, если в персидском тексте надписи упоминание Египта действительно восстанавливается как конъектура (Behistûn 1907, 22), то в аккадском тексте соответствующее место разрушено, и благодаря этому мы не видим в перечне мятежных областей упоминания не только Египта, но и Парфии и Маргианы (Behistûn 1907, 173; очевидно, исходно они в этом месте упоминались). Иными словами, исключать данное свидетельство из рассмотрения нет ни малейших оснований.

⁷ Дандамаев 1985, 105.

наводящие на мысль, что территория данного восстания, как позднее восстания Инара, ограничивалась Нижним Египтом (районом Мемфиса; с. 15–16). В связи с найденным на Элефантине письмом египетского чиновника Хнумэмахета сатрапу Ферендату от 36-го года Дария I, в котором идет речь о неких «мятежниках» (*rmtw nti bks*), представляющих угрозу государственным грузам (pLoeb dem. 1), М. Роттерер приводит мнение К. Киница, что в данном случае имеются в виду не восставшие египтяне, а нападавшие на южную часть Египта нубийцы⁸. В связи со сведениями античных авторов о восстании Инара («сына Псамметиха, ливийца, царя ливийцев возле Египта»: Thuc. I. 104) в 463/62–454 гг. до н.э. (с. 17–23; Herod. II. 140. 2; III. 12. 4, 15. 3; Thuc. I. 104, 109 ff.; Diod. XI. 71, 74–75, 77) М. Роттпетер справедливо обращает внимание на взаимосвязь этого события с противостоянием Делосской симмахии и Ахеменидской державы на заключительном этапе греко-персидских войн (с. 24 сл.). Примечательно, что на 412/11 г. до н.э. греческая традиция фиксирует существование в Египте независимой государственности, поддерживающей контакты с Афинами (Plut. Pericl. 37. 3), которая, вероятно, должна быть идентична с политическим образованием в топах Дельты, существовавшим под властью некоего Амиртея уже после восстания Инара (с. 20–21; Herod. II. 140. 2, III. 15. 3; Thuc. I. 110. 2). В связи с отпадением Египта от персидских владений в конце V в. до н.э. в статье приводятся данные Манефона и арамейских папирусов из Элефантины о царствовании Амиртея (единственный представитель XXVIII династии, очевидно, и изгнавший персов) и Диодора о некоем Псамметихе, «царе египтян», предавшем смерти бежавшего к нему сатрапа Ионии Тама (Diod. XIV. 35. 4–5); каких-либо предположений о соотношении между двумя этими персоналиями автор статьи не высказывает (с. 23–24). Суммируя собранный материал, М. Роттпетер признает главными инициаторами антиперсидских восстаний в Египте внешние по отношению к нему силы – ливийских князей, владения которых лежали к западу от Дельты (Инар, Амиртей), и Делосскую симмахию (с. 24 сл.); соответственно эти восстания нельзя считать народными выступлениями, вызванными голодом (Hungerrevolte) или стремлением к национальному освобождению (Freiheitskämpfen; с. 29).

Узвимый момент в обобщениях М. Роттпетера – это явное преувеличение им того, в какой мере оправдано считать ливийцев внешней по отношению к Египту I тыс. до н.э. силой. Как известно, на протяжении III Переходного периода (с X в. до н.э.) именно ливийцы сформировали и военную элиту, и царские дома (XXII–XXIII и XXIV/XXVI династии) Египта, причем есть основания думать, что в сложившейся при этом политической традиции наивысший царский статус правителя определялся не персональной легитимацией на основе египетской догмы о его рождении от сакрального брака, а самой принадлежностью к соответствующему роду, в связи с чем с конца VIII в. до н.э. началось дробление танисской XXII династии на ряд местных ветвей⁹. Сами имена лидеров антиперсидских восстаний (Петубаст – имя мятежника начала правления Дария I, как мы видели, практически проигнорированного М. Роттпетером – одно из родовых имен царей танисской XXII династии; Псамметих – имя отца Инара и упоминаемого Диодором правителя конца V в. до н.э. – родовое имя царей XXVI саисской династии) наглядно свидетельствуют, что они либо позиционировали себя как представителей ливийских царских домов, либо (что вполне правдоподобно, учитывая, что базой выступлений середины – второй половины V в. до н.э. была Западная Дельта, с середины I тыс. до н.э. входившая в домен саисской династии¹⁰) действительно ими были. В свете сказанного нет ни необходимости «снимать» кажущееся противоречие между ливийским происхождением этих деятелей и их именованием в источниках «царями египтян» указанием на их контроль над западными областями Дельты (с. 25), ни оснований сомневаться в египетском царском статусе Инара (с. 27): в случае их происхождения от ливийского царского дома они, вероятнее всего, по одному факту этого должны были считаться обладателями царского статуса. Сообразно этому же, возглавленное ими движение естественным образом обрело лозунг восстановления египетской государственности I тыс. до н.э., существование которой было прервано персидским завоеванием.

Статья специалиста по державе Ахеменидов и преемственным с ним эллинистическим структурам Х. Клинкотта¹¹ «Ксеркс в Египте. Размышления о негативном образе персов в “Стеле сатрапа”» (с. 34–53) посвящена фрагменту хорошо известного иероглифического источника раннеэллинистического времени (Urk. II. 11–22), в котором описывается ущерб, нанесенный храмам Буто чужеземным правителем по имени *Hšryš* или *Hšryš3*. «Стела сатрапа» датируется 311 г. до н.э., причем сведения об этом чужеземце тесно связаны с предназначением этого текста – закреплением за храмами Буто земельного угодья под названием «Земля Уаджит»: его доходы в свое время были конфискованы пресловутым правителем, затем, около середины 330-х годов до н.э., возвращены фараоном Хаб-

⁸ Kienitz 1953, 67, Anm. 8.

⁹ Ладьянин 2010, 200–201.

¹⁰ Kitchen 1986, 366–368, 395–396.

¹¹ Klinkott 2000; 2005.

башем храмам Буто и, наконец, закреплены за ними сатрапом Птолемеем собственно в «Стеле...» около времени ее составления. Х. Клинкотт вполне справедливо показывает, что данная форма имени чужеземного правителя оптимально соответствует персидскому *Xšayāršān* («Ксеркс») и отклоняет возможность подобной иероглифической передачи имен «Артаксеркс» и «Арсес» (с. 37–38); соответственно в данном фрагменте «Стелы...» речь идет о Ксерксе I, причем прямой аллюзией на его убийство в 465 г. до н.э. и последовавшую вскоре за этим гибель его сына Дария якобы является фраза: «Он (бог Хор) изгнал врага *Hšryšš* из его дворца вместе с его старшим сыном...» (Urk. II. 18. 4–6; употребление в качестве детерминатива имени чужеземного правителя разновидности иероглифического знака GG(SL)A₁₃ – изображения связанного и обезглавленного врага с вонзенным в его горло ножом – показывает, по мнению Клинкотта, что речь в данном случае идет именно об убийстве этих чужеземцев; с. 39–40). Явная насильственность подобной интерпретации данной фразы (как мы видим, она предполагает иносказание, прибегать к которому в связи с убийством ненавистного чужеземного правителя у составителей «Стелы сатрапа» попросту не было оснований) сочетается с игнорированием Х. Клинкоттом иных вариантов перевода обсуждаемого им фрагмента¹², как и того, что злодеяния пресловутого чужеземца были на время составления «Стелы...», по смыслу ее сообщений, сравнительно недавним, а на время Хаббаша – животрепещуще близким событием (в свете этого персонаж «Стелы...» – это, с наибольшей вероятностью, все же Артаксеркс III, чье завоевание Египта в конце 340-х годов было, как известно, представлено в египетской традиции в предельно черных красках¹³). Венцом целой системы натяжек и упущений Клинкотта становится его гипотеза о том, что именно Ксеркс I был в традиции, представленной прежде всего Геродотом, своего рода «моделью» нечестивого завоевателя-перса и что именно это представление о нем сказало в его упоминании в «Стеле сатрапа» (с. 41 сл.). Мы действительно усматриваем греческое влияние в том способе передачи имени Артаксеркса III, который употреблен в «Стеле сатрапа», т.е. в его фактическом уподоблении имени «Ксеркс», которое было возможно, только если составители этого текста прочно держали в голове их греческие транскрипции (и в египетской, и в собственно персидской стандартной передаче эти имена не совпадают) и, по крайней мере отчасти, связанные с ними исторические ассоциации¹⁴. Однако предположение Клинкотта, что создатели «Стелы...» еще и почти что в буквальном смысле слова читали Геродота¹⁵, спорное и само по себе, невольно влечет за собой вопрос: следует ли в таком случае считать пресловутые злодеяния чужеземного правителя и их компенсацию Хаббашем, согласно «Стеле...», реальными эпизодами или всего лишь фиктивным рефлексом пресловутой традиции Геродота, который стал необходим как обоснование пожалованных сатрапом Птолемеем храмам Буто и зафиксированных в «Стеле...» привилегий? Понятно, что Х. Клинкотт склоняется к второму ответу на этот вопрос – вполне в духе популярных в изучении переднеазиатских письменных источников и начинающих влиять на египтологию методик «деконструкции»¹⁶; однако для нас не менее очевидна предпочтительность первого ответа (не в малой степени потому, что, как представляется, не поддается «деконструкции» и не может быть признано фиктивным отнесение одного из этих эпизодов к ничем не примечательному царствованию Хаббаша).

Статья Д. Шефер (исследовательницы, занимающейся египетскими источниками раннеэллинистического времени, в особенности «Стелой сатрапа»¹⁷) «Александр Великий. Фараон и жрец» (с. 54–74) посвящена мало изучавшимся специально памятникам времени Александра (332–323 гг. до н.э.) в Фивах: восстановленным в это время святилищу барки в центре Луксорского храма, помещению святилища Ахмену в Карнаке, сценам с изображениями Александра на пилоне перед карнакским храмом Хонсу и святилищу этого времени, встроенному в стену Карнакского комплекса. Весьма ценно иллюстративное сопровождение этого исследования – выполненные Шт. Пфайффером фотографии не публиковавшихся ранее сцен из святилища Ахмену и с пилона перед храмом Хонсу. Основная задача Д. Шефер – показать, на основе каких представлений строилась презентация в этих памятниках Александра Великого как нового легитимного сакрального правителя Египта. Шефер справедливо обращает внимание на значительную роль в сценах Александра в Луксоре и в Ахмену его культового взаимодействия с итифаллическим Амоном Камутефом (с. 58, 60): по ее мнению, луксорская реставрация Александра была признана подчеркнуть его признание божеством в качестве полноправного царя (с. 60), реставрация в Ахмену – преемственность между Александром и царями

¹² См. с отсылками к литературе: Ladynin 2005, 89, 92–97 (nn. ‘i’-‘m’).

¹³ Ladynin 2005, 98 ff.

¹⁴ Ladynin 2005, 101–103; 2007, 344–345.

¹⁵ Х. Клинкотт констатирует, что в иных изводах античной традиции, а также в вавилонских текстах такого негативного образа Ксеркса I не обнаруживается (с. 45).

¹⁶ См. Gozzoli 2006, 8–10, со ссылкой на: Liverani 1973.

¹⁷ Schäfer 2011.

великого прошлого Египта, прежде всего завоевателями эпохи Нового царства, среди которых был и строитель Ахмену Тутмос III (с. 63, 68), сцены на пилонах, изображающие Александра в леопардовой шкуре (табл. 24–25), – его жреческое качество (с. 64). В связи со святилищем в стене Карнакского комплекса исследовательница отмечает, что оно было частью большой строительной программы, осуществлявшейся в районе храма Хонсу в Карнаке на протяжении IV–III вв. до н.э. (с. 65). Строго говоря, с наблюдениями Шефер не приходится спорить, однако, проводя и даже суммируя их, она проходит мимо совершенно необходимого, на наш взгляд, в связи со строительством времени Александра в Фивах вопроса: почему именно этот культовый центр оттянул на себя большую часть всей строительной деятельности, ведшейся тогда в Египте?¹⁸ Мы уже пробовали обосновать наш вариант ответа на него, опираясь на подмеченную Л. Беллом (и избыточно подтверждаемую контекстом деятельности Александра в Фивах – строительством здесь времени XXX династии) связь восстановленных при Александре объектов в Ахмену и Луксоре с процессионной инфраструктурой праздника Опет¹⁹. Заметим, что в принципе Д. Шефер констатирует связь этих построек с Опетом (с. 68, со ссылкой и на Л. Белла, и на своего учителя Э. Винтера²⁰); однако тем досаднее, что она не заметила их вписанность в масштабную строительную программу, связанную с инфраструктурой Опета, которая началась еще при Нектанебе I и давала рефлексии вплоть до середины III в. до н.э.

Статья А. Блазиуса «Антиох IV Эпифан. Царь и фараон Египта? Порфирий и традиция Полибия» (с. 75–107) посвящена такому заметному эпизоду истории эллинистического Египта, как 6-я Сирийская война, в ходе которой северная часть страны была занята селевкидскими войсками Антиоха IV, осадившего Александрию. По сведениям Порфирия Тирского, заняв Мемфис, Антиох принял царский статус согласно египетскому обычаю (FGrHist. 260. F. 49 = Hieron. Comm. in Dan. 11, 21–24). А. Блазиус показывает принципиальное единство связанной с занятием Антиохом IV Египта письменной традиции – сообщений Полибия, Диодора и Ливия – и констатирует, что свидетельство Порфирия не подтверждается ими напрямую, но и не опровергается: несомненное, согласно этим источникам, стремление Антиоха IV прочно закрепиться в Египте сочетается в ряде случаев с его чисто «царскими», по нормам эллинистического времени, проявлениями благоволения к местным греческим полисам (Навкратису: Polyb. XXVIII. 20. 10–11; с. 95–96). Более определенное решение вопроса об историчности свидетельства Порфирия требует, по-видимому, обращения к документальному материалу, в котором отразились административные действия Антиоха IV в Египте (в этой связи А. Блазиус обращает внимание на недавно обнаруженный pTebt. Suppl. 10,0640 dem. с датировкой «144 годом», т.е., очевидно, 168 г. до н.э. по селевкидской эре: с. 104–105, прим. 67²¹; к этому можно было бы добавить хорошо известный pTebt. III. 1. 698 – простагму, данную фаюмским клерухам от имени Антиоха²², – а также некоторые документы демотического архива Хора²³).

Статья Д. Гладича «“За жизнь царя”. Культовые формулы лояльности эллинистического времени в сравнительном аспекте» (с. 108–139) посвящена сопоставлению структуры грекоязычных и египетских надписей, содержащих апелляцию к божествам во благо царей. В грекоязычных текстах такого рода выделяется так называемая «ὑπέρ-формула», указывающая на совершение того или иного культового действия за (ὑπέρ) царя или царскую чету по отношению к божеству или божествам (ими, помимо подлинных небожителей, могут быть и обожествленные царские четы Птолемеев; см. надпись с посвящением «богам Адельфам», т.е. Птолемею II и Арсиное II, и Зевсу, упомянутому под

¹⁸ Как говорит Д. Шефер, «было бы интересно увидеть, в какой мере другой теологический центр страны, Мемфис, со своим верховным богом Птахом, был включен в строительную политику [времени Александра]. То, что никаких мероприятий здесь не засвидетельствовано, не означает, что они и не предпринимались, а всего лишь может быть связано с неудовлетворительной сохранностью храма Птаха» (с. 71). Во-первых, это суждение поражает своей спекулятивностью и неплодотворностью: отказ отрицать что-либо, в том числе и строительство Александра в Мемфисе, ex silentio может быть справедливым в принципе, однако его декларирование все равно не нарушит пресловутый silentium и не даст нам в руки отсутствующие археологические свидетельства. Во-вторых, для оценки египетского храмового строительства Александра было бы уместнее обращение не к его мнимым следам в Мемфисе, а к реальным – в столь значительном культовом центре, как Гермополь (здесь при Александре велось восстановление храма Тота, начатое при XXX династии и завершенное от имени его преемника Филиппа Арридея), о чем в статье Шефер сказано лишь вскользь (с. 55).

¹⁹ Bell 1985, 270; 1997, 158, 293, n. 101; Ладынин 2007.

²⁰ Winter 2006, 208.

²¹ Lippert 2008, 168.

²² См. отсылки к литературе в: Huss 2001, 552, Anm. 115.

²³ Ray 1976, 14–29; см. Hölbl 2001, 147, 152, n. 1.

двумя разными эпikleзами, за Птолемея III и Беренику II; с. 110²⁴). Внимательный анализ египетских votивных текстов птолемеевского и римского времени позволяет констатировать, что аналогов этой формуле в них не появляется чрезвычайно долго. Уже в середине I в. н.э., в период с принципата Тиберия по принципат Нерона, в двуязычных надписях Парфения, простата Исиды Коптосской, мы видим несопадение их египетской (иероглифической) и грекоязычной формул: если в греческом тексте культовый памятник «Крону» за императора Тиберия возводит сам Парфений, то иероглифический текст говорит о его возведении богу Гебу самим императором, разумеется, именуемым с помощью египетского царского протокола (с. 124–127)²⁵. Адопцию «*ὑπέρ*-формулы» в египетский посвяtitельный текст мы видим, правда, у того же Парфения, в его демотической надписи Гола 9 императора Клавдия: здесь аналогом греческого *ὑπέρ* оказывается сложный предлог *i.ir-hr*, который вводит имя императора в демотической транскрипции («Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик Автократор»); при этом агентом совершения в его пользу культового действия называется сам Парфений (с. 127–128)²⁶. Следует полностью согласиться с мнением Д. Гладича о том, что невключение «*ὑπέρ*-формулы» в египетские посвяtitельные тексты связано не с нежеланием проявлять лояльность по отношению к чужеземным правителям, а с ее несоответствием египетской религиозной традиции (как показано в данной статье, посвящения «за жизнь царя» эллинистической династии обнаруживаются в местных текстах той страны древнего Ближнего Востока, для традиции которой они были органичны, – в Месопотамии под властью Селевкидов; с. 130–133). Вместе с тем наблюдения Гладича можно было бы дополнить комментарием по поводу истоков несоответствия «*ὑπέρ*-формулы» египетским представлениям: думается, они состоят в том, что в Египте любое культовое действие, по крайней мере теоретически, совершалось только царем²⁷, и соответственно утверждение, что оно совершается человеком более низкого статуса за царя не имело смысла (в связи с этим очень показательно, что в надписи Парфения, все же адаптирующей «*ὑπέρ*-формулу», имя Клавдия лишено каких бы то ни было титулов, ассоциирующихся с сакральной царской властью, т.е. в какой-то мере он уподоблен человеку обычного статуса, в пользу которого другой подобный ему человек апеллирует к божеству).

Д. фон Реклингхаузен в статье «Претензия и действительность. Описание города Фив птолемеевского времени» обращается к целой серии не слишком известных религиозных текстов, условно именуемых «монографиями». Назначение текстов этого жанра состоит в том, чтобы дать детализированное описание происхождения и важнейших черт того или иного храмового участка или места, интегрируя его при этом в систему египетских мифологических представлений; понятно, что соответствующему храму и городу, в котором он находится, в подобных текстах будет навязываться качество места, где в начале времен произошло творение («первохолм»; с. 141). Фиванские «монографии» обнаруживаются в надписях птолемеевского времени на постройках Карнакского храмового комплекса – на двойных воротах участка богини Мут²⁸, на воротах участка Монту (Urk. VIII. 41, 42, 45) и «воротах Эвергета» (Urk. 105, 107, 111–114), на 2-м карнакском пилоне (142–143). Значительную роль в этих текстах играет своего рода мифологическая персонификация Фив – «Уасет победоносная» (*W3st nḥtt*), наделяемая эпитетом «владычица городов» (*ḥnwt niwwt*); подобные мифологические образы известны в птолемеевское время и в других древних культурно-религиозных центрах Египта (в Дендера, в Эдфу; с. 144–145). Стоит заметить (чего не делает автор статьи), что сами эти эпитеты Фив впервые появляются в I Переходном периоде, в пору напряженной борьбы этого города с другими политическими центрами Египта (прежде всего с Гераклеополем, искавшим способы «приписаться» к более древней мемфисской традиции) за первенство²⁹. В космогоническом и космологическом плане «монографии» представляют Фивы местом, связанным с первобытным океаном Нуном и играющим

²⁴ Bernand 2001, 44–47 (nr. 14).

²⁵ Vleeming 2001, no. 186.

²⁶ Vleeming 2001, no. 196.

²⁷ Демидчик 2005, 18.

²⁸ Sauneron 1983, tab. 8–9 (texte 5), tab. 11 (texte 10).

²⁹ Эпитет *W3st nḥtt* впервые встречается на обелиске Иннотефа I или II в Карнаке (начало XXI в. до н.э.; Le Saout, Abd el-Namid, Zimmer 1987, 314, pl. 1; Franke 1990, 125, Abb. 1; Postel 2004, 315, doc. 51), выражение *ḥnwt t3* – «владычица страны», – сопоставимое с *ḥnwt niwwt*, в надписи номарха Асиута Хети II (вторая половина XXI в. до н.э.) применительно к пирамиде царя гераклеопольского дома Мерикара, возведенной близ Мемфиса (Berlev 1987, 151–152), или к столице гераклеопольского дома (Franke 1987, 55, Anm. 10). Мы очень благодарны А.Е. Демидчику за ценный совет учесть эти свидетельства, в сопоставлении с материалом рецензируемой статьи демонстрирующие явную преемственность в египетской традиции от ранней древности к Позднему времени, и за связанные с ними библиографические указания.

важнейшую роль в наступлении разлива Нила, образом неба на земле; им отводится первостепенная роль в мифологических сюжетах, связанных с важнейшими богами египетского пантеона. В связи с тенденцией, которая вызвала к жизни эти тексты, Д. фон Реклингхаузен ставит вопрос о том, не представляют ли они разновидность своего рода духовного сопротивления фиванского жречества наступившей в Египте эпохе чужеземного владычества (с. 156). Ища на него ответ, необходимо иметь в виду, что сами по себе фиванские «монографии» – это теологические тексты, избоблюющие реальными или мнимыми обращениями к более древним источникам и, что немаловажно, включенные в систему оформления фиванских храмов. По мнению автора статьи, это предопределяет достаточно широкое бытование данных текстов в среде образованной фиванской элиты; сам же их пафос резко контрастирует с реальным непоправимым падением значения Фив в жизни Египта в птолемеевское время. Исходя из этого, фон Реклингхаузен считает возможным связать эти тексты не просто с «профиванским», но и с «проегипетским» (соответственно антимакедонским) настроением породивших их кругов, допуская, что именно этот настрой мог подвести фиванскую элиту к поддержке «антицарей» Хоруннефером и Анхуннефером, отколовшими южную часть Египта от птолемеевского государства в конце III – начале II в. до н.э. (с. 157–158)³⁰. Нам кажется, что активную оппозиционность фиванской образованной элиты Птолемям все же не следует преувеличивать: «компенсаторное», как совершенно верно отметил автор статьи, прославление Фив³¹ представляется прежде всего чисто интеллектуальным ухищрением, возможно, небеспредельным в египетской истории³² и актуальным в кругу людей, вряд ли близких к реальной политике.

Статья Шт. Пфайффера «Расквартирование солдат птолемеевской армии. Правовые основания, конфликты и стратегии их разрешения» представляет собой удачный пример case study, посвященного конкретным ситуациям, возникавшим во взаимоотношениях между птолемеевскими воинами-негиптянами и местным населением, и построенного на классическом для изучения эллинистического Египта папирологическом материале. Автор статьи обращает внимание на основополагающие акты Птолемея II Филадельфа, в которых, во избежание возникновения на квартирах конфликтов, предписывается везде, где возможно, размещать воинов в построенных ими же жилищах, а при размещении их все же на квартирах – воздерживаться от их захвата и возвращать их хозяевам без повреждений (рНаI. 1, 166–185; с. 166–167); кроме того, воинам запрещалось покупать предоставленные квартиры – явно во избежание насильственных сделок такого рода (С. Ord. Ptol. 8; с. 168). Реальное применение этих норм Пфайффер рассматривает по донесениям и прошениям, подававшимся вышестоящим инстанциям (вплоть до царя) в связи с конфликтными ситуациями: обращает на себя внимание, что в ряде случаев вовлеченные в них стороны черпали свои аргументы, рассчитанные на лояльное отношение властей, из сферы царского культа Птолемея (так, в одном случае египтяне, опасаясь расквартирования в их домах воинов, фактически заблокировали входы в них с помощью алтарей, по-видимому, посвященных именно обожествленным Птолемям; с. 171–175; в другом случае вдова умершего воина мотивирует свои права на его прежнюю квартиру тем, что он возвел в ней алтарь «сирийской богине» и «Афродите-Беренике», т.е. обожествленной дочери Птолемея III и Береники II; с. 178–180). Собранный в статье материал показывает, что предпринимавшиеся Птолемями меры по снижению конфликтности расквартирования их войск в частных домах в общем, как можно было ожидать, не достигали цели: кроме того, чрезвычайно обособленным выглядит вывод Шт. Пфайффера о том, что царский культ, практиковавшийся, хотя и в нескольких разных формах, и греко-македонскими, и египетскими подданными Птолемея, был, так сказать, естественной «точкой пересечения» этих двух этнокультурных групп и, как видно, сообразно этому, важной опорой для урегулирования возникавших между ними спорных ситуаций (с. 181).

³⁰ См. с отсылками к источникам и литературе: Hölbl 2001, 153–159.

³¹ Помимо пресловутых «монографий» в эпоху эллинизма оно, видимо, сказалось и в некоторых историографических манипуляциях, восходящих явно к египетской традиции, – помещении фиванских царей раньше мемфисских в последовательности царей Египта у Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского (*Diod. I. 45–50*) и сведении всей этой последовательности к владычеству фиванцев в царском списке, приписываемом Эратосфену (*FgrHist. 610. F. 1*). Ранняя, еще доэллинистического времени, аналогия характерному для «монографий» представлению о Фивах как о месте «первохолма», возникшего посреди первобытного океана и ставшего местом творения, – по-видимому, одно из сообщений Геродота (*Herod. II. 4; Lloyd 1976, 35*).

³² По личным сообщениям А.Е. Демидчика мы знаем, что он считает обостренно бережное сохранение в Мемфисе его местной традиции, восходящей к III тыс. до н.э. (в том числе пиетет к Ипуверу – автору «Речения...», в котором было оплакано падение Древнего царства; см. упоминание Ипувера на так называемом «фрагменте Даресси»: Youotte 1952; Posener 1956, 9), именно необычайной стойкой ностальгией по утраченному столичному статусу Мемфиса.

Завершающая сборник статья Х. Хайнена «Египет в составе Римской империи. Замечания по теме аккультурации и этнической идентичности» (с. 186–207) посвящена эпохе в египетской истории, к которой этот исследователь обращался уже не раз³³. Данная его работа построена по принципу комментирования нескольких грекоязычных источников, один из которых, впервые переведенный Х. Хайненом, кажется нам особенно примечательным. Это стела времени Нерона, возведенная жителями Бусириса – деревни вблизи пирамид в Гизе (с. 190–195, 207, рис. 1)³⁴. Ее текст начинается с упоминания императора, с употреблением по отношению к нему эпитета ὁ Ἀγαθὸς Δαίμων (с. 193: Хайнен полагает, что оно подразумевает отождествление Нерона с хорошо известным одноименным «персонажем» пантеона греко-римского Египта; однако нам кажется более вероятным, что это словосочетание, по сути дела, переводит на греческий язык важнейшего египетского царского эпитета *ntr nfr*³⁵), однако в целом он посвящен прославлению префекта Египта Клавдия Клавдия Бальбилла, с деятельностью которого связывается благополучие страны, включая высокие разливы Нила. Данный памятник интересен и благодаря обилию в нем подвергшихся греческой интерпретации египетских реалий, и как яркий пример перенесения на правителя нецарского статуса (в данном случае, вопреки реальности, представленного в качестве едва ли не носителя полностью самостоятельной власти) ряда царских качеств: в этом смысле он продолжает ту линию египетской традиции, которая на заре эллинистического времени представлена «Стелой сатрапа»³⁶, а в начале римского – хорошо известной надписью первого префекта Египта при Августе Корнелия Галла³⁷. В связи с надписью из Бусириса Х. Хайнен справедливо обращает внимание, что, судя по ее содержанию, никаких иероглифических аналогов у нее не было: жители пресловутой деревни в районе Гизы, несмотря на традиционно египетскую мотивацию своей акции, с самого начала придали ей «греческую форму». Помимо этого текста Хайнен обращает внимание на еще два документа, в которых отразилось такое проявление «подвижности» в этнокультурной самоидентификации жителей римского Египта, как их готовность к смене личных имен (с египетских на греческие; с. 197–200): он совершенно справедливо связывает это с принципиальной открытостью для египтян, как и для других жителей Империи, предоставляемых ею «социальных лифтов», в том числе возможности получения римского гражданства (с. 198), что естественным образом предполагало и их аккультурацию в совершенно ином, нежели родное им, сообществе. В заключительном пассаже своей статьи Х. Хайнен высказывает мысль, что в целом установление римской власти стало менее драматичным рубежом в развитии египетской культуры, чем становление христианства, когда переосмыслению «со знаком минус» подверглись сами идентификаты «эллин» и «египтяне», в равной мере маркирующие людей чуждой христианам египетской культуры (с. 203). С этим тезисом трудно спорить: не следует только забывать, что само фактическое разрушение римлянами еще в начале их владычества важнейшей скрепы самобытной египетской цивилизации – сакральной царской власти (а симптомом этого является в том числе и рассмотренная Х. Хайненом стела из Бусириса) – с принципиальной точки зрения и сделало неизбежным связывание Египта к исходу античности общесредиземноморской (по воле судьбы, христианской) монокультурой. Вообще же, серьезный разговор об идеологических и культурных процессах, происходивших в римском Египте, в котором были бы учтены все их слагаемые, на сегодняшний день только разворачивается, причем его активными участниками являются многие авторы рецензируемого сборника³⁸.

Подводя некоторый итог оценке этого издания в целом, можно сказать, что оно носит поистине междисциплинарный характер в том смысле, что большинство его участников привнесли в него характерные черты своих специальностей. Если в статьях антиковедов (Х. Хайнена, А. Блазиуса, выступившего в данном случае именно на этом «исследовательском поле» Шт. Пфайффера) проявился традиционно высокий уровень владения источниковым материалом при решении исторических задач как общего, так и частного плана, то египтологи (Д. Шефер, Д. фон Реклингхаузен) сосредоточились прежде всего на характеристике своих источников; в статье же специалиста по «царству стран» в эпохи Ахеменидов и Аргеадов Х. Клинка сказалось, по-видимому, как мы уже говорили, влияние тех методик работы с текстами, которые популярны в современных исследованиях древней Передней Азии. Заметен и еще один важный момент – вошедшие в сборник востоковедческие исследования достаточно отчетливо продемонстрировали слабости соответствующих специальностей в современном их состоянии при подходе к общеисторическим задачам, прежде всего терпимость к построению

³³ Например: Heinen 1995 = Heinen 2006, 154–202.

³⁴ Vermand 1992, 1, nr. 55.

³⁵ Берлев 2003.

³⁶ Ладынин 2000, 189–195.

³⁷ См. ее новое издание: Hoffmann, Minas-Nerpel, Pfeiffer 2009.

³⁸ В том числе среди новейшей литературы, в статьях последнего издания возглавлявшегося Х. Хайненом исследовательского проекта: Heinen 2009a; Noeske 2009; Pfeiffer 2009.

ям, в которых исследователи-антиковеды с высокой вероятностью усмотрели бы логические ошибки или произвольные интерпретации. Думается, что создание подобных междисциплинарных трудов (характерным образом, по инициативе антиковедов, никогда не забывавших о необходимости интеграции всего наличного массива источников в сводную картину истории древности!) необычайно полезно именно потому, что актуализирует постановку общеисторических задач и соответственно поиск адекватных их решению методов и в неантиковедческих специальностях.

Литература

Берлев О.Д. 2003: Два царя – два Солнца: к мировоззрению древних египтян // *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev*. В., 1–18.

Дандамаев М.А. 1985: Политическая история Ахеменидской державы. М.

Демидчик А.Е. 2005: Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.

Ладынин И.А. 2000: К датировке «Стелы Сатрапа» и интерпретации ее исторической части (Urk. II. 12.12–15.16) // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 178–200.

Ладынин И.А. 2007: Строительная программа Аргеадов в Египте в контексте храмового строительства XXIX–XXX династий // *Петербургские египтологические чтения–2006*. Материалы научной конференции (Труды Государственного Эрмитажа, XXXV). СПб., 86–100.

Ладынин И.А. 2010: Рец.: *Blöbaum A.I.* «Denn ich bin der König, der die Maat liebt». Herrscherlegitimation im späzeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in der offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft (Aegyptiaca Monasteriensia, Bd 4). Aachen, 2006 // *ВДИ*. 3, 194–201.

Хайнен Х., Чошкун А. 2005: *Amici populi Romani*: Презентация трирского проекта «Внешние друзья Рима» // *ААЕ*. 1, 280–303.

Behistun 1907: The Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistun in Persia. L.

Bell L. 1985: Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka // *JNES*. 44, 251–294.

Bell L. 1997: The New Kingdom 'Divine' Temple: The Example of Luxor // *Temples of Ancient Egypt / B.E. Shafer (ed.)*. L., 127–184.

Berlev O.D. 1987: A Social Experiment in Nubia during the Years 9–17 of Sesostris I // *Labor in the Ancient Near East / M.A. Powell (ed.)* (American Oriental Series, 68). New Heaven, 143–157.

Bernand É. 1992: La prose sur pierre dans l'Égypte hellénistique et romaine. 1–2. P.

Bernand É. 2001: Inscriptions grecques d'Alexandrie ptolémaïque (Institut français d'archéologie orientale. Bibliothèque d'études, 133). Le Caire.

Franke D. 1987: Zwischen Herakleopolis und Theben: Neues zu den Gräbern von Assiut // *SAK*. 14, 48–60.

Franke D. 1990: Erste und Zweite Zwischenzeit – Ein Vergleich // *ZÄS*. 117, 119–129.

Gozzoli R. 2006: The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180). Trends and Perspectives. L.

Heinen H. 1972: Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Keraunos und zum Chremonideischen Krieg (Historia Einzelschriften, 20). Wiesbaden.

Heinen H. 1995: Vorstufen und Anfänge des Herrscherkultes in Römischen Ägypten // *ANRW*. II. 18.5, 3144–3180, Taf. I–XII.

Heinen H. 2006: Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte / A. Binsfeld, St. Pfeiffer (Hrsg.) (Historia Einzelschriften, 191). Stuttgart.

Heinen H. 2009: Kleopatras-Studien. Gesammelte Schriften zur ausgehenden Ptolemäerzeit (Xenia, 49). Konstanz.

Heinen H. 2009a: Repräsentation von Identität und Zugehörigkeit: eine Einführung // *Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-römischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen / A. Coşkun, H. Heinen, St. Pfeiffer (Hrsg.)* (Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart, 14). Frankfurt a.M., 9–34.

Hinz W. 1976: Darius und die Perser. Eine Kulturgeschichte der Achämeniden. Baden-Baden.

Hölbl G. 2001: A History of the Ptolemaic Empire. L.–N.Y.

Hoffmann F., Minas-Nerpel M., Pfeiffer St. 2009: Die dreisprachige Stele des C. Cornelius Gallus. Übersetzung und Kommentar (Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, 9). B.–N.Y.

Huss W. 2001: Ägypten in der hellenistischen Zeit, 332–30 v. Chr. München.

- Kienitz F.K.* 1953: Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B.
- Kitchen K.A.* 1986: The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B. C.). Warminster.
- Klinkott H.* 2000: Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit (Historia Einzelschriften, 145). Stuttgart.
- Klinkott H.* 2005: Der Satrap. Ein achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume (Oikumene Studien zur antiken Weltgeschichte, 1). Frankfurt a.M.
- Ladyšin I.A.* 2005: «Adversary Hšryš(3)»: His Name and Deeds According to the Satrap Stela // CdÉ. 80, 87–113.
- Ladyšin I.A.* 2007: Two Instances of the Satrap Stela: Tokens of the Graeco-Egyptian Linguistic and Cultural Interrelation at the Start of the Hellenism? // Moving Across Borders: Foreign Relations, Religion and Cultural Interactions in the Ancient Mediterranean / P. Kousoulis, K. Magliveras (eds.) (Orientalia lovanensia analecta, 159). Leuven–Paris–Dudley, 337–354.
- Le Saout Fr., Abd el-Hamid M., Zimmer Th.* 1987: Le Moyen Empire à Karnak: varia 1 // Cahiers de Karnak. 8, 293–323.
- Lippert S.* 2008: Like Phoenix from the Mummies: Demotic Documents from Oxyrhyncha in Cartonnages from Tebtunis // Graeco-Roman Fayum – Texts and Archaeology. Proceedings of the Third International Fayum Symposium, Freudenstadt, May 29 – June 1, 2007 / S. Lippert & M. Schentuleit (eds.). Wiesbaden.
- Liverani M.* 1973: Memorandum on the Approach to Historiographical Texts // Or. 42, 178–194.
- Lloyd A.B.* 1976: Herodotus, Book II. Commentary, 1–98 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 43). Leiden.
- Noeske H.-Chr.* 2009: Die Münzprägung des Octavianus/Augustus in Alexandria. Materialien und Überlegungen zur Entstehung und Ausgestaltung einer Provinzialwährung // Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-römischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen / A. Coşkun, H. Heinen, St. Pfeiffer (Hrsg.) (Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart, 14). Frankfurt a.M., 81–142.
- Pfeiffer St.* 2004: Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung (Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, Beiheft 18). München–Leipzig.
- Pfeiffer St.* 2008: Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich. Systematic und Einordnung der Kultformen (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 98). München.
- Pfeiffer St.* 2009: Octavian-Augustus und Ägypten // Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-römischen Welt: Aspekte ihrer Repräsentation in Städten, Provinzen und Reichen / A. Coşkun, H. Heinen, St. Pfeiffer (Hrsg.) (Inklusion/Exklusion: Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart, 14). Frankfurt a.M., 55–80.
- Postel L.* 2004: Protocole des souverains égyptiens et dogme monarchique au début du Moyen Empire. Turnhout.
- Posener G.* 1956 : Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie (Bibliothèque de l'école des Hautes Études. Sciences historiques et philologiques, 307). P.
- Ray J.D.* 1976: The Archive of Hor. L.
- Sauneron S.* 1983: La porte ptolémaïque de l'enceinte de Mout à Karnak (Institut français d'archéologie orientale. Mémoires, 107). Le Caire.
- Schäfer D.* 2011: Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen. Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern (Studia hellenistica, 50). Leuven (im Druck).
- Schmitt R.* 2009–2010: Bisotun iii: Darius's Inscriptions // Encyclopedia Iranica, Online Edition. [Электронный ресурс] / E. Yarshater et al. (eds). Режим доступа: <http://www.iranica.com/articles/bisotun-iii> свободный.
- Vleeming S.* 2001: Some Coins of Artaxerxes and other Short Texts in the Demotic Script. Found on Various Objects and Gathered from Many Publications (Studia demotica, 5). Leuven.
- Winter E.* 2006: Alexander der Grosse als Pharao in ägyptischen Tempeln // Ägypten – Griechenland – Rom: Abwehr und Berührung. Städtisches Kunstinstitut und Städtliche Galerie 26. November 2005 – 26. Februar 2006. Frankfurt a.M., 204–215.
- Yoyotte J.* 1952: À propos d'un monument copié par G. Daressy // BSFE. 11, 67–72.
- Yoyotte J.* 1972: Petubastis III // RdÉ. 24, 216–221.

И.А. Ладынин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова